



КРИТЕРИИ И МЕТОДИКА ОЦЕНИВАНИЯ ВЫПОЛНЕННЫХ ОЛИМПИАДНЫХ ЗАДАНИЙ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЭТАПА ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

11 класс

Задание	1	2	Всего
Максимальный балл	40	40	80

Часть 1 [40 баллов]. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объем — 300-400 слов.

Вариант 1

Александр Викторович Иличевский (род. 1970)

Воробей

На подоконник сел воробей, попрыгал, позыркал, помотал башкой — и клюнул стекло. Потом подлетел — и впорхнул. Кулюша притворила форточку, схватила полотенце, погналась, сбила его за лавку.

Свернуть голову, как курице, не вышло.

Тогда оторвала двумя, сдернула как цветок со стебля.

Темная ломота хлынула из ушей, захлестнула глаза.

Поползав от боли на четвереньках, легла набок и притихла в обмороке — отдохнуть.

Безголовый воробей еще поерзал крылом, сократился, сдал еще две алых капли из соломинки гортани — и тоже затих, завалившись на бок.





С печки смотрел неподвижно Иван. До самых сумерек, не шевелясь, он смотрел на лежащую мать, на клюв, на глаз, полускрытый сизой пленкой. Остановившейся бусинкой он блестел в ее окровавленной ладони. Временами Иван проваливался в этот воробьиный глаз — в его серый ветреный свет, раскачивавшийся на голой гибкой ветке; от качки ему становилось худо, и он выныривал обратно — и снова видел горницу, высоко залитую светом, лежащую спокойно мать, ползущий по ее щеке луч, пыльное окно, изгородь, черную улицу, степь за ней.

На закате мать очнулась, села на полу. Она смотрела на черную ладонь, на птичью голову и не двигалась.

Холодная багровая степь, выгнувшись — как крыло впившись за балкой в небо, принимала в себя долгий ветер. Стихая, ветер уходил за горизонт вслед за окровавленным солнцем, как мантия за царем-убийцей.

В глянцевой стерне длинно струилась по склону седина первого — колючего, мелкого снега. Он ссыпался как пыль на вещи — незаметно, из страшной верхотуры неподвижных, остистых, волнами идущих облаков. Эти закатные высотные облака были одновременно похожи и на рудые барханы — и на узор печеной, разваленной вдоль хребта дымящейся рыбной мякоти. Барханы Кулюша видела по дороге в Астрахань, куда ее брал муж за рыбой — песчаные волны дымились от ветра на гребнях. И прошлой ночью ей неожиданно пригрезилась рыба, хотя еда ей давно уже перестала сниться.

Однако, первые два месяца пища мучила ее во сне хуже ката. То сестры на Пасху принесут ряженые пироги и кулебяку с потрохами. То сама напечет сахарных пампушек и усадит рядом детей — полакомиться, запивая горячим кизилевым узваром...

А потом — как отрезало. Сны стали пустыми как убранное поле.

Вот оно сейчас ей и снилось. Конный стоял на взгорье черным силуэтом в солнечном протуберанце. Лошадь водила, мотала головой, преступала то туда, то сюда — и пика лучей из-под ее морды то входила алой чернотой в переносье, то вынималась облегчением.

Стерня кололась по всему телу. Падая, увлекающая за собой Ивана, вдавливая его в землю, она чуть не выколола себе глаз — жесткий короткий стебель окровил подглазье.





Желание влиться в землю, отдаться целиком ее холоду было неодолимым; оно сливалось с тоской по мужу. Муж был ее кровом, она чуяла его там далеко, в земле, как лоза чует воду — холодного, черного, но родного, огромного, сильного как сама смерть.

Похоронить его не сумела, упала на улице в обморок. С октября уже ездили по домам — и его забрали. Только день пролежал, не нагляделась. Дети по нему ползали, игрались, — будили отца, таскали за нос. Пришли, стащили за руки с крыльца. Она не пускала, но как справиться? Цеплялась за мужа. Комсода отгоняли: и так тяжело. Пронесли через двор, за калитку, уложили в рядок — к другим мертвецам. Она вгляделась в мертвых, никого не узнала. Тяжко, оседая, оглянулась вокруг. Телега была той самой — с резными, крашенными слегами, на которой к ним наезжал Копылов за продразверсткой. «Нате, — шепнула она тогда, — вот вам хлеб. Вот она, ваша разверстка. Что ль не это искали?»

Она села в грязь, телега откатилась, но возница обернулся, сказал «тпру» и поглядел на нее.

— Слышь, баба, может, к мужу ляжешь? Чего тебе маяться.

Всадник из-под ладони всматривался в степь; нагайкой похлопывал себя по голенищу. Наконец увидел их. Подъехал шагом, грузно. Вот уже совсем близко, слышно грудью шаг через землю — но лошадь не останавливается, идет прямо на них, проминает бедро, лопатку, голову — и голова разваливается на жирные комья чернозема.

Рыба тогда ей ночью приснилась потому, что третий день уже на закате стояли, не проходили эти высоченные волнистые, как барханные пески, облака. Она смотрела на них — и казалось ей, что идут они с мужем по этим оранжевым буграм к Енотаевке. То рушатся вниз, утопая шагом в песке по пояс, то долго всходят по твердому склону, — идут с мешками от калмыков — за рыбой, выглядывая — когда на горизонте покажется село, церковь, лесистый, заливной берег Волги... В мешках они несли куски прессованного жмыха с маслобойни — наживку. Когда дошли, в первый же день Алеша на этот жмых в затонной яме зацепил своего первого — полупудового сазана, которого вываживал, мучаясь под пеклом, целый час. Шнур, идя с мотка в извод, дрожал и по зигзагу резал воду. Потом посадил его на кукан, специальным образом продев веревку под жабры, чтоб не задушился, — и временами, сняв с колышка, выгуливал его по мелководью, как жеребенка.





Под конец — испек в глине. Ах, какая потом красота сияла вокруг: по песку и в воде рыжая на солнце россыпь крупной, как червонцы, чешуи. Лежала огромная усатая башка с запеченным бельмами, и розоватый могучий остов. Поражаясь, она поднесла скелет к глазам — вдоль хребта, наподобие подзорной трубы, навела на светило — и рыба зажглась перед ней, воссияла и поплыла нестерпимо мощная, просторная и стройная, как храм в Григорполисской станице...

И вот во сне гигантский золотой сазан, коренастый будто конек-горбунок — и с веющимися ушами, плавниками, хвостом — точно как у золотой рыбки из детской книжки, — плавал взад-вперед по горнице, тычась в руки, в ухо, в плечи, целуя в щеки, в глаза: как медленная бабочка в гаснущую лампу.

Картинки из той книжки она показывала младшему, когда ходила с ним на руках, прощаясь. Днем он внезапно затих, личико разгладилось — и поняв, что умирает, взяла на руки, ходила взад-вперед, баюкала, показывала сказку, агукала, смеялась. Сережа умер еще вечером, но она проходила с ним на руках всю ночь, так и свалилась. Разбудил ее Иван: слез с печки, укусил ей руку — и она очнулась, сбросив холодную чурочку с груди.

С Иваном они отнесли Сережу в поле, положили, раскопав ход, в байбачью нору. Засыпали. Посидели еще, отдохнули. По привычке смотрели вокруг — не покажется ли где серый жирный столбик. Хотя и знали, что байбаки ушли с их полей еще в октябре. Да если б и увидали — не было бы сил изловить.

Показался от села верхом Копылов. Подъехал равнодушно. Иван, не дожидаясь, вывернул кармашки. И сложил дулю. Нет, мол, у них зерен, сам глянь — ничего уже на поле нету. Мать, очнувшись, тоже вывернула карманы жакетки, расправила подол. В октябре они по ночам пробирались сюда на поле — шарили пальцами мышиные норки, опустошали их зерновые запасы на зиму; бывало что и набирали горстку. А теперь уж нет тут ничего — все шаром покати.

Лошадь храпнула, вздернула хвост и уже на ходу, гукнув, выронила шмат дымящегося помета.

Копылов скрылся за голыми деревьями в балке.

Мать и сын долго, закрыв глаза, вдыхали тонкую, по временам исчезающую струйку теплого сытного запаха.

Когда встали, им показалось, что они сыты.





Кулюша ощипала, выпотрошила воробья, лапки отрезать не стала, опалила над лучиной, опалила и голову. Затопила соломой — вместе с коровами исчез кизяк. Нарезала лебеды и сныти в горшок, положила воробья, залила водой, посолила.

Иван сначала следил за матерью, но потом его снова унес этот непонятный темный ветер.

Суп Ивану показался очень вкусным. Он привстал. Длинные стебли сныти мешали сосать мясную юшку. Мать не уступала, водя ложкой, обвешанной травой, по его губам. Но вот, взглядевшись в ложку, где теперь лежала голая воробьиная голова, сам взял ее в рот и осторожно рассосал. Тут же съел и половину тушки, отломленной ему матерью. Подождав, когда разжует, Кулюша стала есть сама. Третью ложку она уже распробовала и четвертую проглотила с жадностью, куснув зубами край.

Иван позвал:

— Дай еще.

Она подняла голову. Иван показывал ручонкой на вторую половину воробышка: несколько спичечных косточек и нитки мяса она собрала в ложку и держала ее у рта.

— Вот ты, Вань, хитренький какой, — сказала Кулюша, проглотила и дохлебала оставшееся.

Вечером Иван непривычно долго оставался в ветреной холодной темноте. Его раскачивало на ветке, болтало нещадно, еле хватало сил в лапках удержаться. Ветер ерошил насквозь перья, он прятал голову то под одно крыло, то под другое, дышал в кожу, чтоб обогреться дыханием, но его так мотало на ветке, что приходилось откидывать для равновесия голову. Он изо всей силы хотел очнуться, вынырнуть, разодрать глаза на мать — без нее страшно, но вдруг ударил сильный порыв в спину, лапки разжались — и ледяная пустота накинута и рассосала.

Кулюша ходила с Иваном на руках и, пытаясь до него добудиться, раскачивала что было сил. Когда почувствовала, что холодеет, — стемнело в глазах и, падая, ударилась затылком об лавку.

В ту зиму 1933 года у Акулины умерли муж, двое детей, мать, два брата.





Ее и еще троих сестер — Наталью, Арину и Полю — выходила пятая самая младшая сестра Феня, муж которой, будучи кумом колхозного секретаря, сумел уберечь в тайном подполе телушку. Чтоб не мычала, он вырезал ей язык и надрезал губы. Как раз в начале декабря она наконец стала давать молоко.

Весной полегчало. Лед с речки сошел. Кулюша связала из прутьев крест, натянула на него пуховой платок и, еле передвигая опухшие ноги, пошла за огороды на речку. Отцедила "пауком" полгоршка сметка и притомила в печке. Это была ее первая твердая пища.

В мае, когда вместе с силами вернулось сознание, горе настигло ее. На рассвете она вышла из села и пошла через степь, забирая чуть правее, вслед за восходящим солнцем. Она шла до тех пор, пока в сумерках не упала на землю. Проснувшись, испугалась — это был ее самый большой испуг в жизни: небо, полное крупных звезд, неудержимо падало на нее, и некуда было скрыться. Следующей ночью слышала волков, круживших поблизости, но догадалась поджечь вокруг прошлогоднюю траву. На шестой день Кулюша встретила в степи соляную артель: барак и два сарая. От построек выскочил волкодав, и ей пришлось пролежать лицом вниз до вечера, пока не вернулись из степи люди. Артель приняла ее. Несколько месяцев она ходила со всеми на солончаки, собирала соль, несла ее на станцию, дожидалась астраханского поезда и часть меняла — по весу, один к одному — на рыбу.

Осенью Кулюша завербовалась на заработки в Архангельск, но вербовщики перепутали ведомости, и она попала в Баку. Ехала на крыше вагона через Астрахань; вновь видела волжские бугры, великую водную страну, кровоток русской земли, острова, стену камышей, протоки, бескрайние раскаты взморья, стаю лебедей на них. Справа долго-долго шли Стрелецкие пески, с гребней которых ветер сдувал дымные, плавные, верткие, как пламя, рыжеватые шлейфы.

В Баку Кулюша определилась на одну из строек великой пятилетки: первого в стране завода по производству синтетического каучука. Когда записывалась в отделе кадров, продиктовала: "муж умер в голод". Кадровик побелел, откинулся, нагнулся и сквозь зубы сообщил: "Дура. Зашей себе рот".

Но не зашила. Я любил слушать Кулюшу, ее просторные, как степь, рассказы о детстве, о крестьянской работе, о пешем паломничестве ее вдовой бабки в





Иерусалим, из которого та не вернулась, отписав через год на родину, что вышла замуж за рабби Пинхаса бен-Элишу и стала еврейкой; слушать ее остроумные, иногда на первый взгляд вздорные, а случилось, что и пророческие суждения о жизни, — и даже эти ее страшные, подробные рассказы о голоде. Сейчас, вспоминая Кулюшу, мне наконец совершенно ясно, почему Господь сотворил человека из земли: чтобы душа могла произрасти из него, даже из мертвого, как растение...

Особенно я любил в ее рассказах видеть, как хожу с ней по солончаку — по солнечной абсолютной плоскости, усыпанной до горизонта мутными голубоватыми кристаллами, видеть невысоко вверху кружение баснословных волжских рыб — и иногда представлять себя Иваном. Иваном, который всегда рядом с Кулюшей. Мне вообще интересно было думать о том, как люди живут после того, как умирают. О том, что смерть — самая распространенная тайна. И кроме того, мне почему-то казалось, что, думая об Иване, я тем самым помогаю безутешной Кулюше просить у него прощения.

Потом я вырос, Кулюша умерла, я вырос еще, забыл детство, его владения — море, речку, поле, лес, огромное круглое пространство счастья растаяло, как радуга — и я стал потихоньку умирать от бесчувствия и покоя тоски. Слишком рано и слишком пронзительно поняв, что жизнь без детства коротка настолько, что ее как бы совсем и нету, я невольно погрузился в анабиотическое состояние, как если бы у меня в квартире из крана вдруг потекла вода из Леты... Все это продолжалось больше десяти лет, и продолжалось бы и впредь, но вот нечаянно в позапрошлом году со мной произошло событие, которое вдруг вывело меня из оцепенения.

Тогда, перед тем как окончательно уволиться из одной скучной конторки, я получил месячное назначение, любопытного свойства. Я был командирован на ликвидируемый склад, на котором мне предстояло провести последнюю ревизию. Наша контора закрывала оптовое направление по мониторам — и потому избавлялась от занятых ими складских площадей. Находился этот склад на севере столицы, на улице Адмирала Макарова, близ окружной железной дороги. Это был древний кирпичный ангар — один из нескольких десятков точно таких же, располагавшихся у руин товарно-приемной ж./д. станции. Белыми кирпичами в торце каждого было выложено гигантское: НЕ КУРИТЬ. Был июнь в разгаре, работа оказалась не бей лежачего, и я наслаждался одиночеством. Пересчитав и пометив мелом часть верхолазной кубатуры, которой вразнобой пирамидально там и сям был





заставлен ангар, я усаживался на стул — и с наслаждением курил на дне высоченного колодца, составленного картонными коробами, наискось пронзенного солнечными лучами, которые выходили у стропил из прорех в старой шиферной крыше. Дым, клубясь, поднимался вверх, разрастался, затихал и повисал серебристо-прозрачными пластами. Стрижи, вынырнув из-под полутемени конька, прочерчивали на свету восклицательные зигзаги и прошивали на разной высоте треугольные, чуть шевелящиеся по краям дыры в дымовых шлейфах. Было сухо и тепло, и тихо. Со стаканом крепкого сладкого чая в руке я читал специально взятую в библиотеке книгу об адмирале Макарове; о его исследовательском военно-морском гении, о его ошибке в Цусимском сражении, о напалмового типа снарядах японцев, с помощью которых были повержены русские броненосцы и дредноуты. Вокруг, на всей территории складской зоны кипела суэта погрузки, разгрузки, учета и по временам вспыхивали скандалы растраты. Я же в своих владениях уже неделю упивался безмятежностью.

Как вдруг она была порушена. Ватага воробьев повадилась проникать под крышу моего ангара и часами, с ураганным чириком и трепыханьем умопомрачительно кружить и метаться над сложным картонным ландшафтом, как японские камикадзе над флотом в Перл-Харборе. От воробьев не было спасу три дня подряд, и пришлось принимать меры. Из велосипедного насоса, обрезка доски, медицинского жгута, куска солидола и клочка войлока я соорудил воздушное ружье. Пули забивал строительной липучкой, которую наковывал в косяке ангарных ворот; для убойности я приправлял заряд сверху дробинкой. На пристрелку ушел день. К вечеру ящики в моем секторе стрельбы покрылись россыпью пробоев. Следующие два дня я просидел в засаде с воздушкой на взводе — и не сбил ни одного. В таком виде — под ружьем — меня и застал складской обходчик.

Я объяснился. Старик выслушал меня с сочувствием — и поведал, что воробьи бич всех здешних складов: дрейфуя от ангара к ангару, они загаживают товар, будоражат, пугают грузчиков, внезапно ордой вылетая из углов в морду... Я узнал, что воробьи — наследство давних времен, когда вся эта складская зона, построенная в самом начале 30-х годов, еще служила хранилищем стратегических зерновых запасов Москвы. Раньше здесь воробьев была пропасть, аж в глазах темно, а сейчас — это что, крохи...

Когда обходчик ушел, я прошел в задник ангара, прикладом наскреб две горсти земляной пыли. Вышел на свет и на картонке перебрал набранный вместе с землей мусор. В ладони у меня остались четыре черных зернышка.





Я поднес их к глазам и увидел. Подводы с зерном из Ладовской Балки, Новоалександровки, Григорполисской станицы, со всего Ставрополя, с Кубани и Украины тянулись к железнодорожным станциям, грузились в эшелоны, которые частью шли за границу в обмен на золото и промышленное оборудование, частью в Москву — и зерно разгружалось именно здесь, на этом тайном складе, под многочисленной охраной НКВД.

Я завернул их в сторублевую купюру и заложил под обложку паспорта.

Уволившись, я увез эти зерна в Велегож и замочил в дрожжевом растворе. Одно дало росток — и в прошлом году у меня в горшке, наполненном настоящим черноземом, за которым я специально съездил под Мичуринск, — вырос колос.

А в этом году у меня на грядке наливаются уже 22 колоска.

А еще через год я надеюсь угостить Ивана лепешкой; небольшой, не больше просфоры.

2005 г.

Вариант 2

Станислав Львовский (Юрий Михайлович Сорочкин)
(род. 1972)

полина ивановна говорит мариин
андреевне: все-таки воздух великое дело
и потом на земле
хотя бы изредка необыкновенно полезно

в это время обе парят над бездной

да соглашается
мария андреевна да это вы очень верно
заметили полина иванна

что?
переспрашивает та подождите
что? подождите машина проедет
а то ничего не слышно





в это время ангелы в вышних
 строятся на утреннюю линейку

*вот времена настали мария
 андреевна тяжело вздыхает
обращаясь к полине ивановне
трудились всю жизнь
а теперь на подарок внучке
все думаю как бы сэкономить копейку*

*да отвечает рассеянно
 полина ивановна
 и не говорите до пенсии
дотянуть бы мария андреевна
 трудные времена настали*

*говорит полина ивановна чего это мы с вами андреевна
 над бездной летаем как молодые крыльями машем
если изредка отвечает та это необычайно
верите ли полина иванна полезно
и опять же в транспорте не нужно толкаться*

*воздух соглашаются между собой старушки
 это что ни говори великое дело
хотя слишком конечно в нашем возрасте
увлекаться не следует
так летят они из магазина домой, неспешно беседуя.
в сумках для внуков пряники и ватрушки.
две психеи на пенсии, пожилые
бабочки неразлучные до срока подружки,*

вышитые нательным крестиком по небесной подушке.

2000 г.

Критерии оценивания





1. Понимание текста: последовательное и адекватное раскрытие смысла текста в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

0 — 5 — 10 — 15

2. Композиционная стройность работы, ее общая логика и стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту.

0 — 3 — 7 — 10

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

0 — 2 — 3 — 5

4. Наличие/отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы.

0 — 2 — 3 — 5

5. Общая грамотность (наличие/отсутствие речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок).

0 — 2 — 3 — 5

Итого за задание — 40 баллов.

Часть 2 [40 баллов]. КВЕСТ В РЕАЛЬНОСТИ

В наше время популярным вариантом проведения досуга стали квесты в реальности: группа людей может выбрать понравившейся ей сюжет и стать героями истории, которая показалась им интересной в реальном времени. Представьте, что вы игромеханик — специалист, который продумывает сценарий и правила игры. Вам поручено придумать квест по мотивам романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Вам нужно:

1. Продумать суть квеста: о чем эта игра и что требуется от игроков?
2. Расписать игровую механику: чем будут заниматься игроки во время прохождения заданий, в чем логика игры, какова завязка и развязка вашего квеста?





3. Описать антураж и декорации: как будут выглядеть локации, в которых окажутся игроки; с какими предметами или героями в этих помещениях они смогут взаимодействовать?

Вам необязательно превращать в игру все произведения: достаточно выбрать важный фрагмент из произведения или же придумать сюжет по мотивам литературного источника. Важно сохранить основные акценты и смысловые повороты книги, сохранить ее атмосферу и перенести ее в сюжет игры. Рекомендуемый объем — 15-20 предложений.

Критерии оценивания

1. Игра представляет собой цельное переложение сюжета произведения или его части ИЛИ адекватное сюжету переосмысление исходного текста (то, что называется «по мотивам»).

0 — 3 — 7 — 10

2. Игра представляет собой логичное, завершенное действие с завязкой и развязкой. Отсутствуют сюжетные дыры. Есть оригинальные примеры заданий во время квеста.

0 — 3 — 7 — 10

3. Описание помещений для квеста соответствует эпохе произведения и его сюжету.

0 — 3 — 7 — 10

4. Задумка квеста нетривиальна. Выбранный сюжет действительно подходит под формат динамичной игры, а не простой «бродилки»: игроки не просто ходят по локации как на экскурсии, а исследуют ее ради достижения цели.

0 — 2 — 3 — 5

5. Общая грамотность (наличие/отсутствие речевых, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок).

0 — 2 — 3 — 5

Итого за задание — 40 баллов.

